

Уважаемые пассажиры, обратите внимание! Мы приближаемся к станции Нижняя Северная Монокорофорд. Пожалуйста, постарайтесь закончить свои дела в уборной, осталось пять минут.

Пока он лихорадочно соображал, пытаясь расшифровать только что услышанные слова, снаружи снова раздался стук шагов — судя по всему, кто-то удалялся прочь.

В этот момент вовремя включился автоинформатор, объявлявший о приближающейся остановке на двух языках: Северной Федерации и Дун-Да.

Только тогда Линь Саньшуй сообразил, что те люди говорили о скором прибытии и просили следить за временем.

— Проснулся.

Когда Линь Саньшуй уже облегченно выдохнул, внезапно раздался слегка хриловатый голос подростка.

— Собирайся, нам пора уходить.

— А?!

Линь Саньшуй широко распахнул глаза. С чего это вдруг опять уходить? Разве здесь плохо? Он ответил с некоторым нежеланием:

— Уходить? Куда это мы? По-моему, здесь тоже очень хорошо.

Се Цзюгэ уловил смысл слов ребенка, бросил на него спокойный взгляд серо-голубых глаз и подумал, что мальчишка хоть и сильно помог ему в дороге, но сейчас говорит так просто потому, что не понимает: туалет в поезде — вовсе не подходящее место для постоянного жилья.

— Здесь будут ходить проверяющие, нас без билетов обнаружат и выгонят.

Он полагал, что после таких слов Линь Саньшуй осознает всю серьезность положения, но не тут-то было — ребенок совершенно об этом не переживал:

— Мы же можем переждать, пока люди уйдут, и вернуться назад.

— Это всего лишь поезд, общественное место, нам всё равно придется уйти, нельзя же вечно сидеть здесь. Услышав это, подросток лишь подумал, что мальчишка слишком наивен и глуп,

ничегошеньки не понимает. Поняв, что объяснять бесполезно, он решил больше не тратить слов: поднявшись, он распахнул окно, и ворвавшийся холодный ветер разогнал тепло в комнате, после чего поманил ребенка к себе.

Ощувив уличный холодок, Линь Саньшуй остался сидеть на месте. Он считал собственную идею отличной: здесь есть и еда, и питье, и укрытие от ветра с дождем — чем не жизнь?

Се Цзюгэ слегка рассердился и уже хотел снова позвать его, но вдруг сообразил, что понятия не имеет, как зовут этого мальчишку. Он замер на полуслове, и гнев сразу же поугас.

Подумав немного, он подобрал обращение и крикнул:

— Конфетка, иди сюда!

— Ни за что!!!

Линь Саньшуй уже было начал раскаиваться — в конце концов, какая разница, куда идти, быть может, у этого старшего брата места и получше найдется, — но от прозвища Конфетка его просто перекосило.

Малыш вдруг вспомнил, что этот парень до сих пор даже не удосужился спросить его имя!

— Никакая я не конфетка! Меня зовут Линь Саньшуй!

— Куда это ты вообще прешься? Чем здесь плохо? Ни ветра, ни дождя, еда да питье есть, и крыша над головой!

Столкнувшись свневышней вспышкой гнева ребенка, подросток поджал губы, выглядя несколько растерянным, однако непреклонно остался стоять у окна, не сдвинувшись ни на шаг:

— Я должен найти мать.

Этот довод был безупречен. Линь Саньшуй понял, что не всех детей родители продают собственными руками, отчего сник и растерял весь свой задор. На душе у него заскребли кошки, и он не мог толком объяснить свои чувства — возникло ощущение, будто его ткнули в больное место:

— ...Ну... ну и вали...

— Я-то... я-то твою матку не ищу...

Мальчишка заерзал и отвернулся, не желая смотреть на него. Се Цзюгэ посмотрел на его круглую черную макушку и вдруг заметил, что у этого ребенка на голове целых два макушечных вихра — верный признак врожденного упрямства.

Уважай чужую судьбу — эту истину Се Цзюгэ уяснил давным-давно, но перед лицом Линь Саньшуйа он просто не мог так легко позволить ему угодить в трясины.

Будь то недавняя помощь мальчика или собственная моральная планка — ничто не позволяло ему оставаться сторонним наблюдателем и равнодушно смотреть, как такой ничего не смыслящий ребенок шагает по кривой дорожке.

Подойдя на пару шагов ближе, он услышал, что мальчишка, отвернувшись, продолжает что-то бормотать. И хотя тот сыпал сплошным диалектом, от общего языка он отличался не сильно, так что Се Цзюгэ разобрал каждое слово.

Твоя мать — мне не мать, зерно у тебя на вес золота, самой бы впроголодь не остаться, куда уж кормить меня, дармоеда пришлого... Мать говорила, я будто с голодухи на свет родился, так лучше уж к тем торговцам детьми вернуться, чем у тебя милостыню просить, там по крайней мере брюхо набьешь...

Се Цзюгэ слушал это детское бормотание, чувствуя одновременно жалость и смех, однако времени на долгие объяснения не оставалось: поезд уже приближался к станции, вскоре могли появиться работники для проверки, да и снаружи не исключено появление патруля, поэтому спускаться нужно было немедленно, пока на перроне еще толком никого не было.

Подросток единым движением подхватил Линь Саньшуйа и усадил его на подоконник:

— У меня есть деньги, голодным не останешься.

Линь Саньшуй внезапно взмыл вверх, поежившись от ледяного оконного проема, и инстинктивно хотел заупрямиться, но, услышав слова Се Цзюгэ, замер с уже занесенными для драки руками и ногами.

— Правда?

— Правда. — Се Цзюгэ высунулся наружу, оценивая скорость поезда, после чего повернулся обратно, заглянул в глаза Линь Саньшуйа и решительно кивнул.

Линь Саньшуй не верил. Красивые слова говорить горазды все: его родители тоже обещали, что когда родится мальчик, жизнь наладится, а в итоге в ту же секунду взяли и продали их.

Подумав, он уточнил:

— Кормить будешь?

— Буду.

Мальчик засомневался — в конце концов, сам подросток выглядел худым и совсем не производил впечатление сытого человека: — Досыта? Се Цзюгэ заметил, что поезд почти остановился, и, крепко обхватив Линь Саньшуй, перемахнул через оконный проем вниз:

— Как минимум восемь блюд за один раз тебе обеспечено.

Ледяной ветер хлестал по лицу, мальчик обхватил шею юаня руками и уткнулся лицом в плечо, пальцы вцепились намертво, но язык все равно не унимался:

— Не обманывай меня, соленые огурцы — это тоже еда...

— ...

Первым делом после приземления Се Цзюгэ отыскал уединенное, затененное местечко и затащил туда Линь Саньшуй. Он пропустил слова мальчика мимо ушей, ведь в этот момент любые разговоры были бессмысленны — только когда настоящая, сытная еда окажется в животе ребенка, тот наконец поверит, что его не водили за нос.

Они спрятались в не самых густых зарослях травы. В этот момент вспыхнул яркий луч прожектора, и оба синхронно пригнулись, стараясь слиться с укрытием.

Линь Саньшуй через просвет между стеблями травы увидел человека с фонариком, который методично проверял один вагон за другим, и невольно затаил дыхание.

Значит, их действительно ищут...

Раньше он не то чтобы не верил словам юноши, просто тешил себя надеждой на авось, пока не увидел все своими глазами. Теперь же Линь Саньшуй понял, что прежний план провалился с треском.

Если не брать в расчет того, кто стучал в дверь поезда, то от этого проверяльщика снаружи ему вряд ли удастся полностью спрятаться.

А если их обнаружат...

Линь Саньшуй немного подумал: кажется, в поимке не было ничего страшного, не отправят же его обратно к торговцам людьми?

Вряд ли же?

В этот момент мальчик вдруг вспомнил услышанную когда-то фразу: «Нужна помощь — обращайся к полиции».

Его глаза внезапно загорелись. Точно, почему бы не обратиться к полиции?

Раньше он не искал полицию, потому что не знал, где она, да и возвращаться домой не хотел, но теперь Кай... Кай...

Рассуждая об этом, Линь Саньшуй запнулся. Он бросил вороватый косой взгляд на сидевшего рядом юношу, чувствуя себя немного виноватым.

Он ведь даже толком не запомнил, как зовут этого паренька...

Белый Призрак и то было легче запомнить.

В любом случае, раз тот пообещал отвести его домой и досыта накормить, он непременно пойдет за ним, а раз так — разве не лучше попросить полицию отвезти их к его маме?

Стоило Линь Саньшую зародиться этой мыслью, как избавиться от нее он уже не смог. Убедившись, что поблизости никого нет, он подсел поближе к Се Цзюгэ и выложил свой план.

Юноша выслушал его и бросил странный взгляд: в его серо-голубых глазах читалось легкое удивление. Он никак не ожидал, что этот малыш, явно выросший в глухих горах без связи с внешним миром, вообще знает о существовании полиции.

Поглядев на сияющие глаза ребенка и его осунувшееся лицо, он понял, как сильно тот жаждет поесть, но всё же безжалостно разрушил детские иллюзии:

— Не выйдет. Нас преследуют, и стоит нам сунуться к полисменам, как мы сами угодим в ловушку.

— Почему? — Линь Саньшуй растерянно нахмурился. Кто станет преследовать их двоих? Они плыли по течению, а потом сели на поезд, и даже торговцы людьми вряд ли должны знать, что они добрались сюда.

Внезапно что-то сообразив, он с подозрением глянул на юношу и не удержался от вопроса:

— Это что, твои враги?

Спрашивая, Линь Саньшуй на самом деле не верил в подобный расклад: хотя по телосложению юноша уже почти не уступал его матери, в душе он оставался ребенком — откуда у него могли взяться какие-то враги?

Однако Се Цзюгэ кивнул, и на его изящном лице промелькнула тень:

— Да.

Линь Саньшуй опешил. Он раз за разом оглядывал юношу и в конце концов решил замолчать — в конце концов, тот выглядел действительно не слишком радостным.

Поразмыслив, он решил: раз полиция отменяется, значит, отменяется, тем более что домой ему всё равно не хотелось.

На этом тема была исчерпана. Дождавшись, когда патруль уйдет, Линь Саньшуй и Се Цзюгэ выбрались из травы и, оценив обстановку, вновь забрались в туалетную кабинку поезда.

Задвинув щеколду, при свете еще горевших снаружи фонарей, они умылись и немного привели себя в порядок.

Закончив с этим, Линь Саньшуй застыл перед Се Цзюгэ с невысказанными словами на устах, а юноша лишь недоумевающе глянул на него своими серо-голубыми глазами.

— Слушай... Не мог бы ты отвернуться? Я хочу... Я хочу... в туалет. — Последние слова Линь Саньшуй пробормотал так тихо, что они почти потонули в стуке колес. В его родной деревне мальчишки справляли нужду при всех, не стесняясь, но он так не мог, ему требовалось уединение.

Се Цзюгэ хоть и нашел его внезапную застенчивость несколько странной, но не усмотрел в этом ничего предосудительного и просто молча повернулся к нему спиной.

Под журчание воды Линь Саньшуй, заметив, что Се Цзюгэ по-прежнему стоит к нему спиной, с облегчением выдохнул.

— Я закончил, — бросил он юноше, нажимая на кнопку смыва.

Се Цзюгэ услышал это, подошел ближе, одной рукой приподнимая одежду, а другой собираясь расстегнуть ремень, как вдруг заметил, что Линь Саньшуй так и стоит столбом, вылупив на него глаза. Юноша протянул руку, уперся в детскую макушку и развернул мальчика обратно:

— Ты тоже отворачивайся.

— ?

Обернувшись, Линь Санышуй услышал шум льющейся воды и только тогда сообразил, что Се Цзюгэ тоже терпел уже черти сколько времени — раз уж приспичило ему самому, то и спутнику приходилось несладко.

<http://bllate.org/book/25875/3092521>